

Е. В. Булдакова

"Defensor pacis": путь к десакрализации власти

роцесс возрождения и последующего формирования рационального представления о государстве и власти в эпоху Средневековья — период распространения и господства теократической идеологии — занимает особое место в истории развития европейской политической мысли. Этот процесс был достаточно длительным, сложным и парадоксальным. Его сложность и парадоксальность состояла в том, что он протекал в церковной среде, сосредоточившей внутри себя самых образованных людей времени. Именно те, кто изначально посвятил

свою жизнь Богу, оказались способными оценить изменения, происходящие в социальной жизни и, опираясь на соответствующие идеи античных философов, сделать выводы, которые, в конечном счете, изменили отношение людей к своему земному существованию и, в целом, их мировоззрение. Заметная роль в истории секуляризации общественной мысли принадлежала таким известным средневековым схоластам, как Марсилий Падуанский (ок. 1275–1342) и Жан Жанденский (ок. 1286–1328). Многие исследователи неоднократно обращались к изучению и анализу их сочинений. В частности, внимание заслуживает ряд работ английских, французских и русских ученых XX ст.: А. Геверта [1], Э. Жильсона [2; 7], Ж. Лагарда [3], Ж. Кийе [4], Т. Егоровой [6], Ф. Коплстона [10], Д. Петрушевского [11], Б. Чичерина [12]. Кроме того, А. Геверту принадлежит полный перевод на английский язык самого известного труда этих ученых — трактата "Defensor pacis" («Защитник мира»).

Этот трактат стал распространяться в ученой среде Парижа в 1324 г. Несмотря на то, что сочинение было написано при более значимом участии первого ученого, в целом оно выражало позицию, присущую обоим интеллектуалам. Эта работа сразу же привлекла внимание образованной элиты. Ее содержание в короткие сроки стало известно и в стенах римской курии, где она вызвала крайне негативную реакцию. В 1327 г. по приказу Папы Иоанна XXII оба ученых были провозглашены инквизицией еретиками и отлучены от Церкви, их приговорили к сожжению на костре, а сочинение включили в индекс запрещенных книг. Марсилий и Жан нашли укрытие и поддержку при дворе могущественного немецкого князя (будущего германского императора) Людвига Баварского в Нюрнберге, который находился в жесткой оппозиции по отношению к Папе.

Возмущение главы Католической Церкви, очевидно, было вызвано идеями, изложенными в книге опальными учеными, которые посмели на ее страницах выступить против церковной иерархии и ее главы — римского епископа, обвинив священство в притязаниях на светскую власть и объявив это желание Рима причиной всех смут и войн, происходящих в западном христианском мире. Свое сочинение Марсилий Падуанский и Жан Жанденский разделили на три раздела-рассуждения. В первом из них, включающем 19 глав, они представили собственную концепцию государства, определение закона и свое видение процесса законотворения. Вторая часть трактата, состоящая из 30 глав, была посвящена учеными описанию института Римской Церкви

И
Л
Т
С

и вопросам соотношения духовной и светской юрисдикции. Последний раздел «Защитника мира» в трех главах подводил итог сказанному в первых двух частях сочинения. Подобно Фоме Аквинскому и ряду других современных им ученых, Марсили и Жан выступили комментаторами самого почитаемого авторитета этого времени Аристотеля. В центре их внимания оказалась пятая книга «Политики» [5], посвященная античным философом описанию государственного института. Чтобы со своей стороны дать читателю не менее ясное представление о происхождении и устройстве государства, авторы трактата, прежде всего, Марсили Падуанский, который имел медицинское образование, прибегли к сравнению государственного организма с телом животного. Основой послужил материал еще одного сочинения Аристотеля «О животных», отчасти ими также был использован и труд Галена «О формировании утробного плода» (это в большей степени нашли отражение в первом разделе трактата). Парижские ученые утверждали, что государство подобно устройству животного организма. Как тело животного состоит из частей, каждая из которых выполняет свою задачу ради функционирования всего организма, так и государство, телом которого является народ, состоит из сословий, выполняющих определенную работу ради благополучия всего общества.

В отличие от большинства своих современников, которые продолжали традиционно представлять государство исключительно в виде монархии, мыслители детерминировали этот социальный институт и как «некоторое количество городов или провинций, имеющих одно устройство» (*The Defensor Pacis*, engl. trad. // Gewirth A. *Marsilius of Padua, the Defender of Peace*. — N. Y., 1956. — Vol. 2. — 1, II). Здесь в большей степени отразился политический опыт Марсилия, который был родом из крупного североитальянского города-республики. Далее расхождение представлений авторов трактата с официально признанными церковными теориями становится еще более очевидным. Обращаясь к вопросу о происхождении государства, Марсили и его коллега описывали его как совершенное сообщество, основанное на разуме и опыте людей, которое существует для того, чтобы «жить и жить хорошо», не жизнью животных или рабов, но людей, которые имеют время для свободных занятий, в частности, для обучения и совершения благих дел. Стремление к такой жизни, по убеждению ученых, является естественной целью любого человека и любого общества (*Ibid.*, 1, II). Идею божественного происхождения государства, излагаемую в рамках традиционных теократических концепций, они считали недоказуемым предметом веры.

Марсили и Жан Жанденский учили, что возникновение государства является результатом естественной эволюции человеческого общества (*Ibid.*, 1, III). Изначально общество состояло из мужчины и женщины (Адама и Евы). Затем их дети создали несколько хозяйств, из которых образовалась деревня. Но деревня еще не могла представлять совершенное общество, так как не обладала возможностью обеспечивать людей всем необходимым для жизни. Совершенным обществом стало только тогда, когда совокупность деревень достигла уровня города, действительно способного удовлетворять все человеческие запросы, что требовало знания большого количества искусств (*Ibid.*, 1, IV). Эти искусства, в свою очередь, являлись результатом труда людей разных порядков (сословий). В общественной структуре ученые выделяли уже не три, как это было принято в рамках монархической модели, а шесть порядков: три высших сословия — военные, священники, судьи, которые по своему предназначению призваны служить достижению общественного блага; и, соответственно, три низших сословия: земледельцы, ремесленники, купцы, деятельность которых служит удовлетворению своих собственных интересов (*Ibid.*, 1, V). При этом земледельцев, ремесленников и судей они относили к основным порядкам, а военных, священников и купцов считали корректирующими общественными порядками. По мнению ученых, люди занимают те или иные должности в соответствии со своими склонностями, которые природа приспособила для удовлетворения их разнообразных потребностей

(Ibid., 1, VII). Тем не менее, когда люди собираются вместе для того, чтобы обменяться своими услугами, между ними часто возникают ссоры, которые могут привести к разрушению общества. Избежать разногласий и установить мир между общественными порядками помогают законы, регулирующие отношения в обществе. Так, Марсилий Падуанский и Жан Жанденский, по сути, первыми в истории средневековья стали рассматривать государство, как результат общественного договора, направленного к достижению общественного блага, а не как институт, имеющий своей целью обеспечивать потребности церкви — посредника между земным и небесным миром и гарантом спасения, что опять же проистекало из теократических теорий (Ibid., 1, VI).

Авторы «Защитника мира» рассматривали два вида управления государством — правильный и отклоняющийся (Ibid., 1, VIII). Правильным они называли такой вид управления, который служит достижению общего блага подданных; отклоняющийся же вид они связывали с деятельностью правителей, направленной на достижение собственного блага, без учета воли подданных. К правильному виду управления они относили такие формы, как монархия, аристократия и полития. К отклоняющемуся виду — тираническую монархию, олигархию и демократию (влияние на представления этих средневековых философов Аристотеля в этом случае более чем ощутимо).

Задаваясь вопросом о происхождении феномена управления, ученые признавали существование сверхъестественного способа его появления, когда власть дается непосредственно от Бога, однако при этом они отмечали, что такое случается крайне редко: «Бог не всегда действует непосредственно, наоборот, в большинстве случаев, даже почти везде, Он устанавливает управление посредством человеческих разумов, которым Он попускает действовать по своему усмотрению» (Ibid., 1, IX). Рассуждая о формах правления, Марсилий и Жан Жанденский опирались на два вытекающих из этого убеждения критерия определения лучшего правления: общее благо и согласие подданных. Лучшей из всех форм правления Марсилий и его коллега называли монархию и писали о том, что существует два способа ее установления — наследование власти и избрание правителя. Последний способ установления монархического правления предполагает избрание правителя на пожизненный или ограниченный срок. Именно ему отдавали предпочтение ученые. Обосновывая свое мнение, они привели в своем сочинении 13 доводов в пользу выборной монархии (в сравнении с наследственной), среди которых выделяется тезис, гласящий, что только пожизненно избираемый народом монарх будет нести ответственность перед ним и править на основе установленных законов. Кроме того, они считали, что избираемые монархи лучше тех, кто наследует трон, так как власть они получают благодаря своим добродетелям, а выборы являются более древним, верным и непрерывным способом избрания правителя: «...Мы назвали избрание самым совершенным и превосходным из способов установления господства». Ведь и другие формы правильного правления — аристократия и полития — также определяются с помощью выборов. Все же формы отклоняющегося правления, в отличие от форм правильного, устанавливаются силой и обманом. Особо резкой критике Марсилия и Жана подвергалась наследственная тираническая власть королей. Тем не менее, они считали необходимым отметить, что знание наилучшей формы правления и способа избрания правителя не является гарантией того, что народы предпочтут их, так как люди часто принимают тот способ правления, который уместен в конкретных условиях (Ibid., 1, IX).

У Марсилия Падуанского и Жана Жанденского отсутствует представление о необходимости объединения в одной светской империи всего христианского мира, что было характерно для большинства ученых, отстаивавших теократические теории. Для них представляется более разумным предположить существование многообразия наций и государств: «Можно задаться вопросом, следует ли всем людям, живущим

в гражданском состоянии и населяющим поверхность земного шара, иметь единственного верховного правителя или же, напротив, предпочтительно, чтобы в разных краях, разделяемых географическими, языковыми или моральными границами, каждое сообщество обрело то правление, какое ему подобает. Кажется, предпочтительнее второе решение, в коем следует видеть воздействие небесной причины, желающей ограничить беспредельное размножение человеческого рода» (Ibid., 1, XVII). Появление подобной идеи на страницах «Защитника мира» свидетельствовало о том, что общественная мысль эпохи в это время уже приблизилась к тому, чтобы принять идею множественности христианского мира.

Рассмотрев вопрос о том, какую из форм правления и какой способ организации мира следует считать лучшим, ученые обращаются к проблеме управления государством, утверждая, что только закон следует рассматривать в качестве самого эффективного средства. Марсилий и его коллега определяли закон как «универсальное суждение о том, что относится к гражданской справедливости и пользе» (Ibid., 1, XI, 1) и отмечали, что он состоит из двух обязательных частей: определения того, что справедливо, и силы, принуждающей к его исполнению при помощи наказания или награды (Ibid., 1, X, 4, 5). Они также считали, что ни правителю, ни судьбе нельзя позволять выносить суждения или повеления вне закона (Ibid., 1, XI, 3), таким образом утверждая принцип ограничения власти силой закона. Если правитель правит по закону, то он застрахован от ошибок в управлении, и, соответственно, застрахован от мятежей и собственной гибели. Те же правители, которые не желают следовать законам, подвергают себя большой опасности: «...всем государям, а среди них особенно монархам, которые со всеми их потомками господствуют в порядке наследования, надлежит для того, чтобы их власть была безопаснее и долговременнее, править в соответствии с законом, а не пренебрегая им...» (Ibid., 1, XI, 5). В качестве примера ученые приводили французский политический урок — историю короля Филиппа IV Красивого, который едва не лишился престола, решив ввести в 1314 г. новые незаконные налоги. Поэтому цель закона, по их мнению, состоит не только в установлении справедливости, но и в обеспечении безопасности правителей и долговечность их власти.

Роль законодателя Марсилий Падуанский и Жан Жанденский отводили народу или, как они писали, всей совокупности граждан. «Законодатель — первая действующая причина, присущая закону, — сам народ, коллектив граждан, или его часть наиболее важная, выражающий свой выбор и свою волю относительно всего касающегося гражданских деяний, невыполнение которых грозит вполне земным наказанием» (Ibid., 1, XII). Гражданами государства они называли всех тех, кто имел право участвовать в народном собрании. В него не могут входить дети, рабы, чужеземцы и женщины. Только законодатель имеет право создавать, дополнять, изменять, толковать или отменять закон. Он может создавать законы напрямую или доверять их создание некоторым образованным и мудрым людям (или даже отдельному лицу), которые становятся законодателями на определенное время. Эти люди должны избираться или от каждого из сословий государства, или от всего народа сразу. Но когда избранные лица со своей стороны сформулируют закон, они обязаны его представить на обсуждение общего собрания. Только после обсуждения всем народом закон может быть утвержден (Ibid., 1, XIII). Аргументируя свои мысли, ученые указывали на то, что, действительно, только народ, по своей природе стремящийся к благополучной жизни в государстве, может создать наилучший закон, потому что по своей природе он стремится к благополучной жизни в государстве. «Итак, законы необходимы для того, чтобы исключить из гражданских судебных решений или постановлений злой умысел и заблуждения судей» (Ibid., 1, XI, 3). Кроме того, они утверждали, что закон лучше будет соблюдаться теми, кто его сам принимал. Нарушителей же закона следует считать преступниками, подлежащими наказанию.

Народу-законодателю также принадлежит право определять, какие люди могут занимать административные посты в государстве, и, в первую очередь, избирать правителя (Ibid., 1, XIV). Основными критериями для избрания правителя должны быть его качества, главными из которых являются рассудительность и моральная добродетель (Ibid., 1, XVI). Эти требования к личности правителя ученые предъявляли в связи с тем, что могут возникать ситуации, не регламентированные законами, и в таких случаях государю следует полагаться только на свой ум и добродетельность. Если правитель нарушает закон, то законодатель обладает властью потребовать исправления правителя, на некоторое время отстранить его от управления или, в крайнем случае, даже сместить его, если это необходимо для общего блага. Таким образом, Марсилий Падуанский и Жан Жанденский были одними из первых европейских ученых, которые стали проводить различие между законодательной и исполнительной властью государства. Очевидно, они считали, что власть законодательная должна определять компетенцию и организацию исполнительной власти, исполнительная же власть — монарх и правительство — обязана на основе закона осуществлять волю законодателя — народа.

Разрешая в духе аверроизма проблему соотношения разума и веры, склоняясь при этом к необходимости их четкого разделения, ученые сформулировали доктрину двойной истины: есть «земная истина», которая постигается разумом, а есть «истина небесная», которая постигается откровением и верой. Исходя из этого, они разделяли два вида жизни: земную (временную) жизнь, которой управляют государи, и небесную (вечную) жизнь, к которой священники ведут человека с помощью Откровения. Мыслители утверждали, что деятельность Церкви основывается на божественном законе, государство же есть учреждение, основанное на человеческих рациональных законах, поэтому духовную власть следует оградить от вмешательства светской власти и наоборот (Ibid., 2, III, IV).

Различия двух видов законов обуславливают разграничение сфер и способов деятельности церкви и государства. Церковь, опирающаяся на божественные законы, имеет право проповедовать христианское вероучение (такую проповедь, по мнению ученых, следует поручать людям из университетской среды по причине их хорошей образованности), но она не может наказывать грешников; нарушителей божественного закона вправе наказывать только Бог, установивший этот закон. Способствуя достижению людьми сверхприродной цели, Церковь не должна вмешиваться в их мирские дела и политику. Поскольку деятельность Церкви является более благородной, чем деятельность мирян, она не может покоряться тем, кто менее достоин. В том, что христианская религия является самой совершенной из всех, убеждает людей только вера. Поэтому в земной жизни Церковь должна быть подчинена государству (Ibid., 2, VIII, IX).

Рассуждая об институте Церкви, Марсилий и Жан писали, что, уподобляясь Христу, Церковь не должна иметь собственности, так как небесное царство принадлежит бедным. Церковную десятину ученые считали незаконной. Они также писали о том, что имущество Церкви не должно освобождаться от налогов, а число церковных должностей подлежит сокращению (Ibid., 2, XIII). Тем не менее, мыслители отмечали, что «все народы согласны в том, что надлежит учредить сословие священнослужителей, чтобы прославлять Бога и совершать служение Ему, и ради благ, которые будут следствием этого в нынешней жизни или в будущей». Но должность священника Марсилий и его коллега предпочитали рассматривать как символическую, поскольку считали, что священники не облечены особой благодатью, которую Католическая Церковь утратила с момента крещения римского императора Константина I. С этого времени Церковь превратилась в обычное государственное учреждение, и потому священники должны избираться своими прихожанами, а не посвящаться в сан епископами, и работать, как все люди. Ученые также считали, что возможность отпущения грехов священниками и передачи таинств находится

под большим сомнением, поскольку они не являются посредниками между божественным и земным, как не является этим посредником и сама Римская Церковь. Таким образом, Марсилий Падуанский и Жан Жанденский отказывали духовенству в посреднической функции между Богом и людьми, сохраняя за ним только право наставлять верующих и совершать церковные таинства. Особой задачей священнического сословия они считали сохранение общественного порядка. И Марсилий, и Жан утверждали, что любые религии, притом, что истинными они считали только иудейскую и христианскую веру (Ibid., 1, X, 3), создавались, чтобы призвать людей к добродетельной жизни, поэтому они должны играть роль воспитательной силы, поставленной на службу государству.

Решение церковных проблем ученые считали прерогативой соборов, организация которых возлагалась ими на светскую власть. За собором они сохраняли право налагать отлучение на государей и народы, но только в качестве нравственной меры. Папскую же власть Марсилий Падуанский и Жан Жанденский считали не обоснованной ни божественным правом, ни текстами Священного Писания, поэтому утверждали, что понтифики не могут претендовать на высшую ступень в церковной иерархии, тем более, распространять свои претензии на осуществление светских функций. Обретение высшей власти римскими папами, по мнению ученых, следует рассматривать лишь как результат определенных исторических событий и обстоятельств (Ibid., 2, XVIII). Поскольку прерогатива избрания священников должна принадлежать народу, король, являющийся представителем народа, наделяется правом избирать Папу. Избранному таким образом понтифику вменялось в обязанность совместно с такой же выборной коллегией кардиналов приглашать светских правителей к созыву собора, председательствовать на соборе и сообщать его решения поместным церквам (Ibid., 2, XXI). Рассматривая Евангелие как религиозное поучение, а постановления Церкви, обеспеченные духовными санкциями, как рекомендации врача, Марсилий и Жан Жанденский советовали для их утверждения прибегать к помощи государства, отмечая, что в этом случае они становятся законами государства.

Марсилий Падуанский и Жан Жанденский отрицали возможность учреждения церковного суда, инквизиционных трибуналов или иных принуждающих и наказывающих инстанций внутри церковного института, поскольку, повторяли они, единственным его правом является право учить и наставлять. Хотя Церковь настаивала на том, что поступки людей в земной жизни оказывают непосредственное воздействие на жизнь небесную, ученые были убеждены в том, что Церковь не может брать на себя ответственность за наказание грешников. Даже наказание еретиков они относили либо к божественной юрисдикции, либо к сфере деятельности государства (Ibid., 2, X); только король, которому принадлежит высшая судебная власть, может изгнать (но не убивать!) их из страны. Таким образом, ученые стремились не просто ограничить вмешательство Церкви в светские дела, но подчинить и включить ее в систему государства.

Причина, по которой Марсилий и Жан считали необходимым отстранить Церковь от участия в политической жизни, состояла в уверенности, что ее претензии грозят обществу войнами и раздорами. Доказательством для Марсилия Падуанского служила его собственная страна — Италия, которая на протяжении нескольких столетий оставалась центром бесконечных раздоров и смут, вызванных агрессивной политикой Римской Церкви. Со своей стороны, Жан Жанденский был хорошо осведомлен о серьезных конфликтах, имевших место между папами и французскими королями. Не случайно «Защитник мира» начинается с показательной цитаты из Кассиодора, восхваляющей мир, и последующего перечня причин войн и раздоров, известных еще с древних времен. К этому перечню ученые добавили еще одну — властные амбиции Римской Церкви. Поэтому, в рамках их политической концепции, лишенная возможности вмешиваться в земные дела, Церковь оказалась полностью отодвинутой

в область сверхприродного. Единственно реальной властью в этом мире учеными была объявлена светская власть. Марсилиус Падуанский и Жан Жанденский также утверждали, что сохранение единства в государстве требует полного отказа от теорий, согласно которым «совершенным» обществом, превосходящим государство, объявлялась Церковь, так как эти учения провоцировали конфликты между двумя ключевыми учреждениями христианского мира. Несмотря на то, что изначально трактат был посвящен императору Людовику Баварскому, в ближайшем будущем он станет интересен и другим европейским монархам, заметно усилившим свои властные позиции, прежде всего, французскому королю.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Gewirth A.* Marsilius of Padua, The Defender of Peace. — Vol. I. Marsilius of Padua and Medieval Political Philosophy. — N. Y., 1951; Vol. II. The Defensor Pacis. — N. Y., 1956.
2. *Gilson E.* La doctrine de la double verite // Etudes de la philosophie medievale. — Strasbourg, 1921.
3. *Lagarde G. de.* Le defensor pacis // La naissance de l'esprit laïque au déclin du Moyen Âge. — P., 1970. — Т. 3.
4. *Quillet J.* La philosophie politique de Marsile de Padoue. — P., 1970.
5. *Аристотель.* Сочинения. — М., 1983. — Т. IV.
6. *Егорова Т. Е.* Трактат Марсилиуса Падуанского «Защитник Мира» // Культурология XX в. — М., 2000. — № 3.
7. *Жильсон Э.* Философия в средние века. От истоков патристики до конца XIV века. — М., 2004.
8. *Защитник мира: [Фрагменты]* // Антология мировой правовой мысли в 5-ти томах. — М., 1999. — Т. II: Европа V—XVII вв.
9. *История политических и правовых учений* / 4-е изд., перераб. и доп. Под ред. проф. В. С. Нерсесянца. — М., 2004.
10. *Колстон Ф. Ч.* История средневековой философии. — М., 1997.
11. *Петрушевский Д. М.* Очерки из истории средневекового общества и государства. — М., 2003.
12. *Реале Дж., Антисери Д.* Западная философия от истоков до наших дней. — СПб., 1995. — Т. 2: От Библейского послания до Макиавелли.
13. *Чичерин Б. Н.* Политические мыслители древнего и нового мира. — М., 2001.

Резюме

Булдакова О. В. “Defensor pacis”: шлях до десакралізації влади

У статті представлено аналіз відомого трактату Марсилиуса Падуанського і Жана Жанденського. Мета цього твору полягала у визначенні причин розбратів і воєн, які затьмарювали життя західноєвропейського суспільства першої чверті XIV ст. Представляючи два владних інститути — Церкву і державу, винуватцем смут вчені називали Римську Церкву, яка претендує на здійснення не тільки духовної, але й світської юрисдикції. Ідеї, викладені на сторінках трактату, стали відображенням політичних змін, які були пов'язані з посиленням імперської і королівської влади в західноєвропейських країнах в означений час.

Дослідження було проведене на основі англійського перекладу джерела, виконаного Аланом Геверттом.

Ключові слова: держава, монархія, закон, Церква, Римський єпископ, собор, верховна влада.

Резюме

Булдакова Е. В. “Defensor pacis”: путь к десакрализации власти

В статье представлен анализ известного трактата Марсилия Падуанского и Жана Жанденского. Цель этого произведения состояла в определении причин раздоров и войн, которые омрачали жизнь западноевропейского общества первой четверти XIV в. Представляя два властных института — Церковь и государство, виновником смут ученые называли Римскую Церковь, которая претендует на осуществление не только духовной, но и светской юрисдикции. Идеи, изложенные на страницах трактата, стали отражением политических изменений, которые были связаны с усилением имперской и королевской власти в западноевропейских странах в указанное время.

Исследование было проведено на основе английского перевода источника, выполненного Аланом Гевиртом.

Ключевые слова: государство, монархия, закон, Церковь, Римский епископ, собор, верховная власть.

Summary

H. Buldakova. “Defensor Pacis”: a Way to De-sacralization of Power

The article presents an analysis of the famous treatise Marsilius Padua and Jean of Zhanden. The aim of this work was to determine the causes of disputes and wars that plagued the Western European society first quarter of the XIV century. Introducing two power institutes: church and state, the culprit troubles scientists called the Church of Rome, claiming to exercise not only spiritual, but also secular jurisdiction. The ideas, presented in the pages of the treatise, were reflected the political changes that have been associated with the strengthening of the imperial and royal power in Western Europe at the designated time.

The study was conducted on the basis of the English translation of the source made by Alan Gewirth.

Key words: government, monarchy, law, Church, the Roman bishop, council, the Supreme power.

